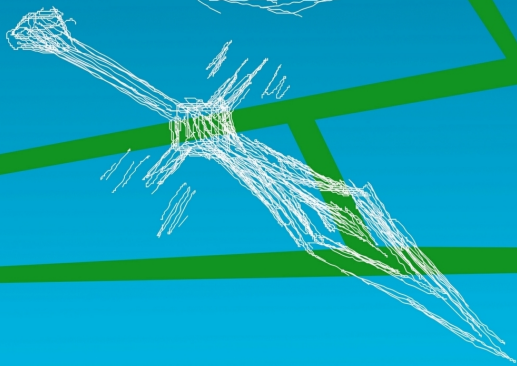

Артем Геннадьевич
Медичи

Волк с серебряными
зубами

16+

Артём Геннадьевич Медичи

Волк с серебряными зубами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43718109

SelfPub; 2019

Аннотация

Удивление – нормальное состояние для человека, мага, воина и псевдманта. Нормальное, если испытывать его не чаще положенной нормы. А уж когда стандартные методы магии дают осечку, злобные старцы исходят слюной, а ножка курицы слишком мала, поневоле задумаешься: а так ли уж нужна семидневная рабочая неделя?

Из всех дней недели псеудмант Каурр более всего ненавидел четверг. В четверг ему приносили (и счастье еще, что не приходилось лично обивать пороги кабинетов!) – груды ведомственных бланков, листовок, справок, жалоб и нот протеста. Все это ныло, кричало, вопило и требовало пива и зрелищ. Пива в Утранте хватало; недостатка в зрелищах не было, но вопли и стоны обиженных и оскорбленных преследовали хрупкий рассудок псеудманта до глубокой ночи. Тогда, зашвырнув проклятую «корзину боли» в дальний угол, распахнув окно, открыв все чакры и хлебнув черного чаю на багряничнике – только тогда можно было вспомнить: я – Каурр. Ищейка Трех Башен. Я еще жив, и зло еще живо, и мы вполне стоим друг друга – я и зло.

Был четверг, была полночь, но желанного отдохновения не было и в помине.

Вздохнув, Каурр побарабанил пальцами по краю тарелки, где уныло отдавала концы крохотная курья ножка. Где-то наверху, на втором этаже, тихо подвывала торговка сладостями. Невпопад псеудмант подумал, что неплохо было бы купить у несчастной пару пригоршней сахарного гороха: личный запас маны был израсходован больше чем наполовину, а приторные драже могли хотя бы частично восстановить потенциал крон-сосудов. К тому же, когда продаешь кому-то свой товар, довольно трудно рыдать, отчаиваться и портить окружающим остатки нервов – если, конечно, ты не коренной хюст, которому нагадить в башмак соседу – счастье первой

величины. Торговка на хюсту не тянула: у северян-медведодов все, как на подбор, худющие и злые, как горные пчелы. Впрочем, к Черным Стрижам всех хюстов и торговцев: надо было спасти таверну. Каурр умел, когда было очень нужно, видеть будущее на полчаса вперед. При полной выкладке – на час. И то, что открывалось в зеленоватой тягомине полотна судеб, не устраивало «белого громилу» ни на йоту.

Совсем не устраивало – чего уж греха таить.

Каурр видел дождь. Яркий серебряный дождь падал с неба, заливая светлым землю, дома, траву и людей. Люди сгорали быстро, всего за пару мгновений. Сгорали изнутри – страшно и неотвратимо. Комок белого пламени зарождался где-то в груди, правее сердца, охватывал все тело – конец наступал почти сразу...

Весело смеялся дождь.

Весело смеялись оскаленные черепа.

Каурр закусил губу. Он никогда не сталкивался с таким проявлением дикой магии. Игра сил шла на очень высоком уровне. Не бог, но близко. Пятая степень силы... может, шестая. Можно было бы сообщить в эфир, позвать на помощь, собрать отряд с артефакторной поддержкой... Так поступил бы псевдмант-подмастерье десять лет назад. Дальше все предсказуемо, коротко и страшно.

Вместо этого в эфир улетело сообщение: «Справился, чищу фон. Надолго. Каурр».

Жаль, что старик умер, подумал псевдмант. Курья нож-

ка на тарелке была маленькой и неаппетитной. Теперь даже взыскать не с кого: трактирщик, с утра подававший признаки безумия, перерезал себе горло, улучив момент, когда Каурр отвернулся. Когда кровь оросила стол, со звонким щелчком спал ментальный барьер на таверне. Барьер, кстати, был тем еще произведением колдовского искусства. Собрать «черную розу» на антиподах, закрутить Колесом Огня, да напоследок вывернуть в трех измерениях... Фуз, наставник Хентланга Каурра, истек бы слюной, едва увидев этот барьер. Тот, кто вел охоту на трактирщика, перестраховался так, словно ловил демона или дракона.

Каурр сощурился. Охотник не спешил явиться с повинной. Неведома зверушка нарезала круги по Хизуну, приводя в ужас собачье племя – никакого лая, упаси боги, только тихий, страшный скулеж. Не смерть же сама, с досадой подумал псеудмант. Да хоть бы и смерть, до утра нужно разобраться, иначе... Что будет «иначе», Каурр представлял во всей красе. Поисковый отряд. Второй поисковый отряд. Регулярная армия. И только потом: карантин и радикальные меры. Погибнет очень, очень много людей. Репутация «беляка» будет посмертно втоптана в грязь... а, вот ты где, родной мой...

Каурр с хрустом потянулся и встал. Два кинжала взлетели к плечам, заняли оборонительную позицию. Две очень неплохие, послушные души. Два пожизненных заключения под стражу, дойди все это до рериата. Псы с ним; главное –

яркая точка на границе сознания.

Отметив цель простейшим «арканом», псевдмант легким мысленным толчком послал правый кинжал в полет. Нолири Хагг, убийца, окончившая жизнь на виселице вместо назначенной дыбы, никогда не сбивалась с курса. Правый кинжал любил свою работу и выполнял ее безукоризненно – вплоть до сегодняшнего дня.

Когда Хагг отказалась повиноваться, Каурр подумал о том, что сегодняшняя норма на число удивлений перевыполнена раз в десять. Неизвестное доселе сочетание симптомов безумия и «алой корки» у трактирщика; странный барьер (замените ведро Фузу, пожалуйста); охотник, успешно сопротивляющийся всем пяти уровням «Холодной Облавы», теперь вот – бунт духа кинжала. Ну, не в десять, но все-таки. И чего могла убояться «костлявая смерть», положившая отряд дворцовой стражи? Ладно, Хагг... попробуем еще раз.

Сим Юзес, успешно похитивший короны двух королевств и покусившийся на третье, только слабо дернулся в ответ на мысленный щуп. Бросай, не бросай – Пятого с два я полечу туда. Сам лети, дурак псевдмант, подставляя свой лоб. Щелчок будет – закачаешься.

Каурр подумал и отложил кинжалы. Два клинка тихо звякнули о залитый кровью стол. Псевдмант вновь сел и взглянул на сидящего напротив трактирщика. Мертвец вел себя безукоризненно: не буянил, не требовал свежей кровушки и не шевелился. Вот только «мушки» под веками, за-

ботливо посаженные на долгое и противное заклинание, криком кричали о необходимости провести сеанс экзорцизма. Мертвец был жив – на это указывала нить души, и не думавшая обрываться. Фуз на месте псевдманта уже скончался бы от счастья. Старику только дай дорваться до какой-нибудь неведомой жути... А охотник – охотник, судя по всему, медленно и осторожно приближался к таверне. Каурр навскидку сравнил свою «Кисею Пяти» и барьер зверушки – вздохнул: счет был не в его пользу. Он тоскливо огляделся: перевернутые табуреты, разлитое пиво, мертвец напротив, запах – хоть святых выноси. И сверху до сих пор воеет торговка сладостями. Он потянулся к трактирщику, приоткрыл левое веко. В тусклом сиянии масляной лампы «мушка» зловеще мерцала малахитом.

Интересно, выживу ли я, подумал псевдмант. Охотник заметно ускорился; еще минута – и он здесь, кровь, кровь, много крови... и с тихим шелестом идет серебряный дождь. Что можно успеть за минуту? Подать сигнал? Поздно; не успею сплести «стрекозу», и не нужно, глупо, просто не нужно. Выпить пива? Каурр представил себе, как самый знаменитый псевдмант «семерки», захлебываясь, хлещет сусло перед смертью, и усмехнулся. В голове прояснилось, мысли улеглись, пальцы перестали дрожать. Надо же, едва заметно, а все же... Полминуты. Спокойно. Это... это кто у нас?!

Удивляюсь в очередной раз, вяло подумал Каурр. Надо же, мифитериус... Вид, конечно, не определишь. А кто из

мифитериусов на такое способен? Черная гидра? Мавка-терапсихия? Смешно, глупо... У нас не водятся мифики...

Мгновение – и они встретились глазами.

Огромный волк – рыжий, с бурыми подпалинами, хромой на левую переднюю лапу – смотрел на Каурра. Странное было в этих глазах. Мертвец за столом издал долгий, тихий, печальный стон, но псевдмант не шелохнулся. Ему не нужна была магия, чтобы увидеть душу того, кто пришел за трактирщиком. Душа была вся как есть нараспашку: смотри, бери, откусывай, да не подавись! Душа была открыта: эй, магвоин, хочешь убить? Сколько угодно, бери, убивай, да не захлебнись ихором! Душа была...

Ох, душа была!

Глаза б мои тебя не видели, с тоской подумал псевдмант. Зачем, зачем именно так? Сотни раз он видел эти глаза. В прачечных, в порту, на стройках, на невольничьих рынках. В домах утрантской элиты. Клялся: никогда не стану таким.

Усталость была в глазах волка.

Простая, обыденная усталость.

Каурр поднялся. Положил руку на кинжал – попалась присмивевшая Хагг – крутанул его в руке, взвесил. Глянул в глаза ночному гостю. Волк отвел взгляд и так же, отвернув голову, неторопливо прошествовал к столу. Покосился на псевдманта, чуть ощерился...

И мороз пробрал по спине «беляка-лихоимца».

У волка были серебряные зубы.

– Я знаю, кто ты такой! – вырвалось у псеудманта. – Ты – Сорос, мастер Одной Печати!

Это случилось тридцать лет назад. Пышным цветом цвели культы некромантов, дикие гули шастали по округе, у каждого мага на службе рериата работы было по горлышко и еще чуть-чуть. Объединение пяти культов в отрогах Вершанга прошло почти незаметно в общей суете. И вообще в тех местах надолго прекратились преступления. И жизнь там всякая прекратилась тоже, ну да это дело десятое.

Беда явилась в Утрант на девятнадцатый день в виде здорового костяного дракона с душой демона и единственным желанием – разорвать этот мир на множество мелких клочков. Для водворения мозгов твари на соответствующее место был выслан отряд Печатников во главе с Коном Соросом. Сорос (для друзей просто Конь) был на те времена сильнейшим магом Утранта и входил в первую десятку Черносебряной Земли. Это давало неплохие привилегии, огромный дом с садом, красавицу жену и троих ребятишек с большим будущим. После гибели твари и отряда дом пошел с молотка, а красавица жена вместе с семейством ушла в монастырь. Ничего не нашли на том месте – ни костей, ни крови, ни магии. Огромное зеребряное зеркало выжглось на поляне, накрыв ее целиком, и больше не было ничего.

... тихо капала кровь – кровь мертвеца. Болью истекали

глаза волка. А глупый, глупый Хентланг Каурр стоял и смотрел, и ничем не мог помочь. Это была не его война.

Он не выдержал, думал Каурр. Несчастный. Эфир нежити вошел в него, как осколок серебряного зеркала – быстро, неотвратно, прямо в сердце. Если бы Сорос промедлил еще немного, жадюга трактирщик (икнется тебе эта ножка!) восстал бы чудовищем, по сравнению с которым костяной дракон показался бы новорожденным щенком. Консервация, инкубаторный период, фазы Луны... Бедный, бедный Сорос!

– Эх ты, – тихо сказал псевдмант – Не уберег ребят.

Волк дернулся, как от удара грома. Прижал уши. Кровь закапала сильнее.

– Пей уж.

Каурр подошел к окну. Рама-четырешка облупилась, стекла почернели. Наверху было тихо. Волк позади заканчивал страшную трапезу. Теперь Каурр знал все, что нужно. Мог знать и больше, но... не надо. Не стоит будить спящих призраков, особенно если они обосновались в твоей кровати.

За лесом занималась заря. Каурр знал: сейчас Утрант стоит на ушах. Всплеск такой силы... И внезапно псевдмант улыбнулся, представив себе ведро, в которое смогли бы войти все слюноистечения старого Фуза, окажись тот на его, Каурра, месте.

Тихо было в городе в тот странный день, когда в главные ворота вошел псевдмант Каурр, весь в смерти и славе, при-

гибаясь под тяжестью туши огромного волка с серебряными зубами. Редко кто рисковал встретиться с «беляком» взглядом, а кто отваживался... Холод был в этих глазах – черный лед Сунагви, голубые торосы Морлии, лед беззвездного неба, стужа океанских глубин. В толпе шептались: «Шестьдесят! Ври мне... Чесслово, не меньше!.. Какое там – полсотни! Больше ста!» Каурр шагал молча. Он знал точную цифру. Двести восемнадцать жертв «мертвого эфира». Двести восемнадцать потенциальных всадников Смерти. Сорос принял и понял их всех, все зло он собрал в одном своем теле и одной своей душе – такой крохотный, жалкий волк-одиночка. Давно мертв старый Фуз – вечная память тебе, старый пройдоха, помяни нас добрым словом там, куда забросит тебя судьба... То-то бы порадовался!

– Господин псеудмант... Горошку?

Каурр остановился. Приспустил с плеча тушу, вынул кошель. Вытряхнул его в ладони белобрысой девчушки – у той округлились глаза. Вокруг зашептались...

– Как мама? – тихо спросил Каурр.

– Ничего, – так же тихо ответила девочка. – Волк ей еще снится, но уже ничего... Спасибо. Это он, да?

– Да, – слова отдались медным колоколом.

И добавил, словно не веря:

– Да. Это он.

Для подготовки обложки издания использована художе-

ственная работа автора